

...И в забой направился
парень молодой.

КРОКОДИЛ

Из албанского дневника

ВСТРЕЧА В ПОРТУ

Наш теплоход подходил к берегам Греции. На горизонте уже отчетливо рисовались зубцы прибрежных скал. Все пассажиры высыпали на палубу. Вышел и капитан теплохода — невысокий крепкий лет сорока пяти.

— Пирей, — сообщил он нам коротко. — Стоянка — шесть часов. Попробуем организовать экскурсию в Афины. До них от Пирея рукой подать.

...Теплоход пришвартовался. На палубу поднялись представители местных властей — офицер в полицейской форме и челозек в штатском. Они долго копались в наших паспортах, не торопясь, ставили штампеля, затем полицейский объявил:

— Советские пассажиры могут сойти на берег, албанцам не разрешается.

— Что же вы так негостеприимны к своим соседям? — спросил кто-то из нас.

— Видите ли, — замялся офицер полиции, — Греция после войны еще не установила добрососедских отношений с Албанией. Поэтому мы не можем разрешить албанцам сходить на греческий берег.

— Да, да, да! — подтвердил человек в штатском. — Не можем.

И они удалились...

А молодые албанцы (это были участники Всемирного фестиваля) собрались плотнее в кружок и запели свою любимую «Эльбасанскую песню».

Задумчивая лирическая песня пленяла свежестью и красотой. Портовые грузчики, оставив свои громыхавшие тележки, высоко задирали головы, чтобы получше разглядеть певцов на палубе. Официанты морского ресторана высказывали с подносами в руках и застывали, как изваяния на развалинах Акрополя. Шоферы переставали сигналить, открывали дверцы кабин и широко улыбались албанцам.

И когда ансамбль умолк, в толпе, собравшейся на берегу, захопала в ладоши, кто-то звонко закричал: «Би-и-си!»; чья-то дружеская рука бросила на палубу теплохода букет цветов. И снова над Пиреем полились мелодии народных напевов. Влорские... корчинские... шкодерские... гьирокастринские...

Напоследок албанцы исполнили песню о юной красавице-пастушке, у которой «совесть чистая, как горный воздух, душа нежная, как подснежник, а сердце горячее, как пламень». Шумной овацией наградили греки молодых певцов и певиц Албании. Толпа кричала: «Мир!», «Дружба!», «Мир!». На палубу летели десятки букетов...

— Вот вам и «недобрососедские отношения», — заметил кто-то из нас.

ВСТРЕЧА В ГОРАХ

Мы ехали на юг Албании. Горная дорога петляла по каменистым кручам, то взбираясь на перевалы под самые облака, то сбегая в долины, пламеневшие багрянцем золотой осени. А справа, насколько видел глаз, голубели просторы Адриатического моря.

В полдень мы решили сделать небольшой привал. Выбрали живописный склон, поросший редколесьем, вышли из машин и, усталые, расположились в тени оливок. На поляне, меж россыпью камней, цвели яркие, как огоньки, фиалки — желтые, оранжевые, фиолетовые...

Где-то поблизости задиныкал колокольчик: динь-динь, динь-динь... Смотрим, из-за скалы гордо выступает круторогий козел-вожак, а следом за ним — стадо коз и овец. Вожак размеренно помахивает головой, и колокольчик на шее: динь-динь, динь-динь.

За стадом шли три курчавых паренька. Одному на вид было лет двенадцать, двум остальным — лет по десяти, не более. Ребята увлеченно разговаривали о чем-то своем и не замечали нас. Картинка была идиллическая. Ну, как не запечатлеть ее на фотопленке!

Но не успели мои коллеги навести фотоаппараты, как ребята юркнули за камень и зиркир глазами оттуда. «Что за оказия?» — не-

доумевали мы. Ведь албанские ребята любят фотографироваться. Всюду, где нам приходилось бывать, они целыми ватагами позировали фотографам. А тут на тебе!

Наш переводчик вступил с ребятами в переговоры, но те — ни в какую. Тогда на помощь ему поспешил албанский журналист, хорошо говоривший по-русски. Вдвоем они наконец убедили ребят выйти из укрытия.

— Чего вы так перепугались? — спросили мы их.

— А вы не американцы? — настороженно осведомились они в свою очередь.

Мы весело рассмеялись. Смущенно заулыбались и ребята. Андрей Ключенко, ведавший у нас хозяйственной частью, вынул из чемодана цветные открытки с видами Кремля и начал раздавать ребятам.

— Башкими Советик! Башкими Советик! — восклицали те с восторгом, рассматривая картинку.

— Да, да, Советский Союз, Советский Союз! — подтверждал переводчик.

Ребята развеселились и уже сами просили снять их с козлятами на руках. Я попытался уточнить причину их недавнего переполоха:

— Почему же вы боитесь американцев?

— Как почему?! — удивился старший. — Они снимут, а потом напишут в своей газете: «В Албании нет школ. Албанские ребята не учатся, а пасут овец». Знаем мы американцев!

— А мы учимся! — добавил один из малышей. — Я с Фадилем в четвертом классе, а Нико уже в пятом. А сегодня воскресенье, и мы дедушке Науну помогаем... Вон и дедушка идет...

...Мы тепло распрощались с юными албанскими друзьями и направились к машинам. Ребята тотчас вскарабкались на высокий камень и долго вслед нам кричали нараспев:

— Башкими Со-ве-тик! Башкими Со-ветик!..

Дионис БУБАНИ

АМЕРИКАНСКАЯ ПОМОЩЬ

Британец Джон, любитель автоспорта, в обычный рейс отправился чуть свет,

Гоня (автомаршрутов здесь до черта!) —

И вдруг беда: бензина в баке нет.

Джон приуныл: он знал несчастью

цену,

Но джентльмен — спокойный человек.

Он молча ждал. Подъехал

к джентльмену

В своем авто американец Джек.

Пестро одет, шумлив, немного

странен,

Он процедил:

«Англо-саксонский мир

Всегда един! Вы, вижу,

англичанин!» —

И тотчас взял машину на буксир.

С той встречи двух прошло почти полвека,

А Джон досель на поводе у Джека!

Тонин МИЛЕТИ

ЭПИТАФИЯ ЛЖЕЦУ

Здесь погребен, коль верить, тот
Неугомонный лжец,
Что врал всю жизнь и, может, врет,
Что умер наконец.
Он, вероятно, мертв вполне,
Но кто же позабыл,
Как все, что видел он во сне,
Он выдавал за быль!!

Перевел с албанского
Эмиль КРОТКИЙ.

Рисунок Зефа БУМЧИ (Албания) для «Крокодила».

ПАРТИЗАНСКАЯ БЫЛЬ

Один черт знает, почему эта деревушка под Грмечом называется Праштале. Происходит ли это название от «праштати» (палить) или же от «праштити» (пылить), неизвестно. Может быть, жители этой деревни, преследуя кого-то, палили по нему из ружей или, опасаясь погони, сами поднимали клубы пыли. Впрочем, если бы кто-нибудь увидел их весной сорок второго года, когда они бежали от первого партизанского самолета, то, конечно, сказал бы, что недаром деревня именно так называется.

Потому что тогда они действительно пылили. Кое-кто поднимал пыль своими ботинками, некоторые — домашними тапочками, а иные — даже своими природными, подаренными матерью при рождении и с тех пор не чищенными сапогами...

— А почему, — спросят меня, — ты вспомнил о Праштале?

А вот почему.

Когда наши первые партизанские летчики, Руди Чаевац и Франё Клуз, прилетели из Бани-Луки на аэродром под Приедором, Франё получил задание перебазироваться на большое поле Тук Боби, недалеко от Праштале. Прилетел он неожиданно, без предупреждения. Едва был замечен снижающийся самолёт, среди жителей и жителей деревушки, как больших, так и малых, наступило такое замешательство, какого, вероятно, не было с июня девятьсот сорок первого года, когда австрийская жандармерия винтовками сгоняла жителей в церковь на панихиду по эрцгерцогу Францу Фердинанду, укукошенному в Сараеве его «верноподданными».

— Смотрите, самолет! Смазывай пятки! — крикнул кто-то.

И крестьяне понеслись кто куда: кто на Грмеч, кто в кукурузу или коноплю; пономарь же от страха залез под кровать жены кузнеца, а потом оказался и в кровати, где его позднее застал кузнец и изрядно отколоти.

Паника еще больше усилилась, когда беглецы заметили, что самолет спускается на поляну перед деревней.

— Вон он, в поле! Встал на ноги! — закричала бабушка Стевения. — Сейчас он свернет свои крылья и айда за нами пешком вверх по кукурузному полю. И не убежишь от него, будь ты хоть зайцем!

Только перед наступлением ночи кто-то принес весть, что самолет сидит в поле, словно наседка на яйцах, и не шевелит ни хвостом, ни крыльями. Можно к нему, говорят, свободно подойти. Он высказался за народно-освободительную борьбу и перешел к партизанам.

— Ну, нет, я к нему не подойду ни за что, — начала бабушка Стевения. — Ведь он может стукнуть меня своим клювом и проглотить, как муху.

— Да нет же у него клюва, бабья твоя голова! — объяснял ей со знанием дела один из односельчан. — У него только спереди какой-то аппарат для шума. И когда он хочет взлететь, он только загудит, чтобы все убегали с дороги.

— Аппарата я тоже боюсь, — суеверно замолала головой старуха.

Утром разнесся слух, что «управляющий самолетом» ночевал в самом последнем доме в нижнем краю деревни. Все жители сбежались в нижний конец и начали прежде всего, как это водится, выглядывать из-за углов и плетней. И сразу у них полетало на душе, когда они увидели пилота в партизанской пилотке с красной звездочкой.

— Да это же наш! Пошли здороваться! Крестьяне торжественно закручивали усы, подходили и здоровались за руку.

— Как у тебя дела, друг? Как самолет? Бабушка Стевения озабоченно спрашивала:

— Как это ты, сынок, не боишься самолет один оставлять в поле? Не перебежал бы он снова к душегубам! Ты его хорошо привязал?

— Никуда он без меня не улетит, — растолковывал пилот Франё.

Старуха недоверчиво качала головой: — А я вот никак не решаюсь даже свою ключку оставить одну в поле. Того гляди, улетится на неосвоенную территорию!

На следующее утро по деревне разнеслось, что сегодня Франё летит на Босански-Нови бомбить вражеские казармы. В деревушке началась суматоха:

— Эгей! Товарищ Франё летит бомбить Нови! Пеки пирог, кума!

— Эй, сосед, хватай петуха, а я заколю поросенка. Надо обед приготовить для летчика.

— Где моя сливовая водка, что я припасла для своих похорон? — шумела Стевения. — Хочу сегодня угостить летчика за упокой души немцев и усташей из Босански-Нови.

— Берегись, сынок, когда будешь спускаться с Новской Планины, смотри под ноги! Крутизна! — советовала она летчику.

— Не бойся, бабуся, — отвечал он ей со смехом, — буду я не с горы бомбить, а с самого верха, с неба!

— Эх, если бы я на твоём месте была, я спустилась бы до самой матушки-земли и схватила бы первого же бандита за шиворот!

По всей деревушке запахло жареным салом; выгашены были вертелы, пущены в ход сковороды, как на престольный праздник. Обед за обедом отправлялся в поле, как будто там расположился лагерь целый батальон.

Какой-то пастух с Медвежьей горы, проходя мимо и заметив такое движение, разнес в своих горах весть, что на обед самолету подадут больше, чем сотне людей.

— Господи, да какое же у него должно быть пузо! — упрямо удивлялся он, несмотря на все уверения, что самолет — это машина. — Какая там машина?! Я своими глазами видел, как несут обед за обедом, и все к нему.

Да и в самой деревушке кто-то пустил слух, будто летчик ест не простой обед, а «лётную порцию». И это всех подстегнуло. Кто ее знает, какова эта лётная порция, а особенно для пилота бомбардировщика, если даже простой мужик-пехотинец может съесть целого ягнечка, около четырех килограммов хлеба и хорошую корзину слив!

— А ну, братья, как бы не опозориться! Ведь это будет первый лётный обед у Франё на свободной партизанской территории!

...Когда Франё Клуз возвращался с задания, за высокой живой изгородью, окружавшей аэродром, уже выгнанул длинный ряд противней, вертелов, мисок, деревянных жбанов и белых узелков. Франё показалось, что это какая-то миниатюрная временная посадочная дорожка, которую начали строить неопытные руки, или же по крайней мере какой-то знак, что здесь находится аэродром.

Как только он приземлился и показался из кабины, из-за кустов повыссыпали жители.

— Товарищ Франё, иди сюда! Мы приготовили тебе лётный обед!

Летчик зашел за живую изгородь, окаймлявшую поле, и удивленно посмотрел на длинную вереницу различных лакомств.

— Хватит ли тебе, товарищ Франё? Если не хватит, найдем еще!

Однако настоящая сумятица началась только тогда, когда каждый стал тащить летчика к своему узлу. Но тут кто-то догадался в добрый час соединить все в один общий, коллективный обед. Когда все было готово, он предложил:

— А ну, пусть товарищи пилот и механик по-лётному подзакусят, а мы немножко поможем по-пехотному. Так сказать, стрелковой цепью.

Какой же был этот лётный обед! Народ не мерил и не взвешивал его, а угощал от всего сердца. Известно только, что «стрелковая цепь» очистила все до крошки и таким образом еще раз подтвердила проверенное военное правило, что только одна пехота основательно очищает местность, а остальные рода войск лишь подготавливают ее наступление.

БАГДАДСКАЯ МЕЛОДИЯ

Рисунок Н. НИКОЛИЧА («Еж», Белград).

— До-ля-ре!..

Рисунок Б. ВОЙНОВИЧА («Ветреняча», Белград).

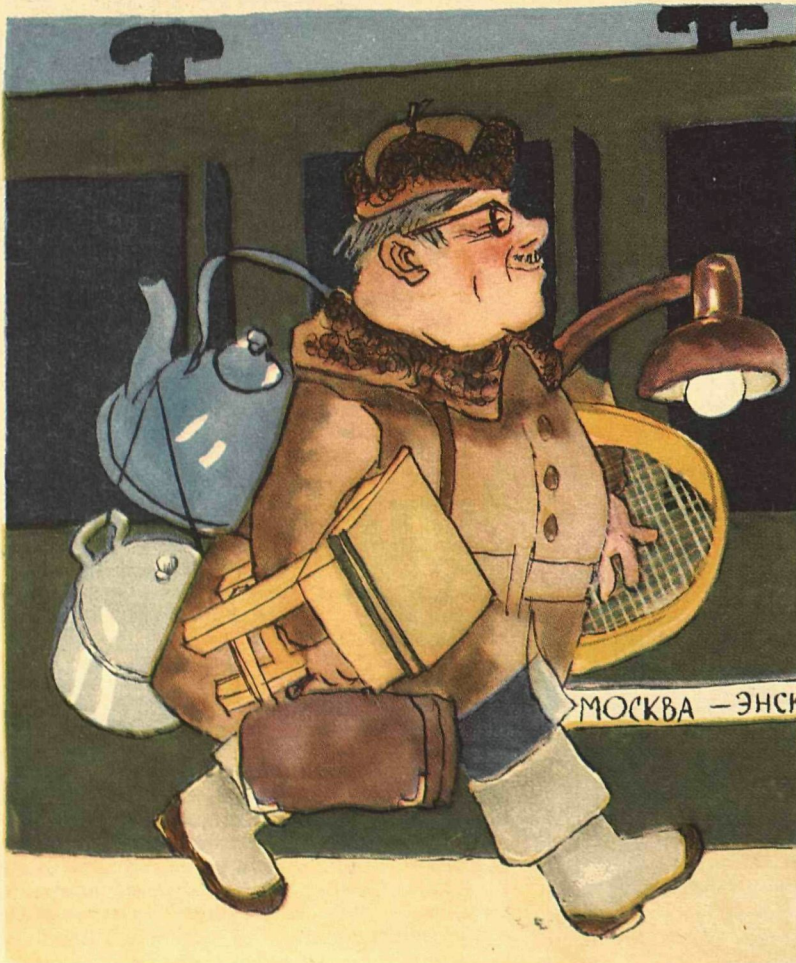
Механизация абстрактного искусства.

Из югославского сатирического журнала «Еж». Перевел с сербско-хорватского Д. ДЫМОВ.

НОВЕЛЛА О ГОРЬКОМ САХАРЕ

Туда...

...и обратно.

Очередная суббота близилась к концу. Крокодил почувствовал, что у него пересохло горло, и попросил принести чаю. Но когда стаканы уже стояли на столе, один из посетителей повел себя крайне странно. Глядя на вазочку с сахаром, он сморщился и застонал, как от зубной боли.

— Что с вами? Нездоровится? — участливо спросил хозяин.

— Как увижу сахар, горько мне становится, прямо терпежу нет, — загадочно ответил гость.

— Непонятно, — озадаченно сказал Крокодил, — почему вам горько? Обычно, когда говорят «Горько!», принято целоваться. Но я не знаю, кто именно у вас сейчас на уме.

— На уме у меня работники Министерства путей сообщения и руководители сахарных заводов и свеклотрестов, — сухо ответил гость, — но лобызаться с ними я отнюдь не намерен. Пусть их целует кто-нибудь другой. А мне с ними, наоборот, подражаться до смерти хочется.

— Нехорошо, — сказал Крокодил, — я драчунов не люблю.

— На моем месте ты бы тоже забыл правила хорошего тона и полез врукопашную, — ответил гость. — И не суди преждевременно, сначала выслушай. Согласен? Тогда разреши представиться. Зовут меня Иван Петров. Я ведаю сатирическим отделом «Горячая промывка» в газете «Черноморский гудок», что выходит на Одесской дороге. По роду деятельности я тебе сродни. А пришел за помощью. Беда, день и ночь мучают меня океанские вертушки... Не подумай, что вертушки — легкомысленные девицы, с ног до головы обтянутые капроном. Это железнодорожные составы. У нас на дороге четырнадцать таких вертушек, которые «вертятся» между свекловичными пунктами и сахарными заводами.

— Но почему все же вам становится горько при виде сахара?

— А потому, что, видя сахар, лежащий на столе, я вспоминаю тот сахар, что остается на земле. Учти, что сахарная свекла — особа капризная. Только ее выкопал — не медля, отправляй на заводы. А если она в кучах замерзнет и до весны ее не отвезешь, коварная страшно отомстит. При первых же лучах солнышка она оттаит и сгниет. Придется везти ее уже не на заводы, а на поля в качестве удобрения. И так у нас бывало нередко.

Помнишь байку, как старушка сметану из погреба в хату ложкой носила? Вот примерно так получается. На двухосную платформу грузят всего 12 тонн свеклы и возят ее, бедняжку, от осени до осени. Да еще заводы под выгрузкой задерживают составы.

В свое время придумали борта платформ досками наращивать и тогда помещали почти вдвое больше. В прошлом году, например, так оборудовали 517 платформ и быстро перевезли свеклу. А нынче дело это поломалось. Щиты, на которые ухлопали 328 тысяч рублей, исчезли неизвестно куда. Может, любители чужого добра из них себе курятников настроили, а может, заборы залатали, неизвестно. По этому вопросу начались дебаты. Сахарники говорят:

«Это железнодорожники наши щиты растеряли. Пускай они теперь нам новые щиты делают».

«А вы куда смотрели? — говорят железнодорожники. — Щиты ваши? Ваши. Вы нам за них денежки платили? Платили. Вот и нужно было смотреть за ними в оба, а не ворон считать».

Препирались они до тех пор, пока не вмешалось Министерство путей сообщения.

«Хватит вам, — сказал замминистра тов. Гарнык, — вот я вас сейчас помирю. Борты будете наращивать не досками, а старыми дымогарными трубами. Их-то уж никто не сопрет: они к домашнему употреблению малопригодны».

И он разослал на паровозоремонтные заводы приказание отгрузить Одесской дороге дымогарные трубы. На заводах, получив этот шедевр, подивились: мол, какая сногшибательная идея пришла в голову начальству! И грузить трубы не стали.

Тогда вмешался Киевский совнархоз:

«Нет, братцы, не так. Плохо придумано. Пусть лучше дорога еще раз даст сахарным заводам доски для щитов, а те пускай еще раз заплатят дороге денежки. А чтобы снова не растащили, пусть доррга и заводы договор заключат. Потеряют железнодорожники доски — уплатят в трехкратном размере».

Железнодорожники об этой идее отозвались нехорошо:

«А вы видели, как лягушки скачут? Вам нужно — вы и наращивайте. Нам-то что? Ведь мы с вас денежки получаем не за количество перевезенной свеклы, а за платформы, поштучно. Что хотите, то с ними и делайте. Хоть пустыми гоняйте, хоть тещу катайте».

— Так ни до чего и не договорились, — горестно закончил свой рассказ Иван Петров.

Крокодил немного подумал, а потом сказал:

— Ведь вся беда в том, что платформы принадлежат дороге, а щиты — заводам. Получается: кафтан Ивана, а рукава Степана. Не посоветовать ли начальству, чтобы эти щиты дорога взяла на свой баланс, как это она делает с хлебными щитами? С одним хозяином они будут в сохранности. Перевезли свеклу — припрятали щиты до нового сезона. Пришло время возить — снова их со складов и на платформы. А на прощание скажу. Если бы железнодорожники и сахарники поменьше препирались — не гнила бы свекла в кагатах. Чай с сахаром пить — и те и другие мастера. Но, если они будут по-прежнему тянуть и мер не примут, как бы им этот чай горьким не показался.

Пимен ВТОРОЙ.

— Этого больного надо выписать. Он уже простудился.

Шутки-малютки

Рисунок Б. САВКОВА.

ТРУБА «ДОМ»

— Скажи нам, для чего построен новый Дом! —
 Вопрос перед Трубой поставили ребром.
 Последовал ответ на это скорый:
 — Построен, чтобы мне служить опорой...

ГЛЕБ И ХЛЕБ

За то критиковали Глеба,
 Что не поехал на уборку Хлеба.
 — Зачем мне Хлеб! —
 Ответил Глеб
 Невозмутимым тоном.—
 Коньяк закусывать положено лимоном...

КОЛДОБИНА

Колдобина считает, что она
 Дороге для типичности нужна,
 Что без колдобин, если мыслить строго,
 Страдает лакировкой дорога.

Репей

Репей в штаны Прохожего вцепился и орет:
 — Вперед!

ЗАВИСТАЛИВАЯ ЩУКА

На сковородке жарился Судак.
 Об этом факте вся узнала речка.
 И Щука с завистью сказала так:
 — Устроился на теплое местечко!

А. МАЛИН

— К директору магазина сейчас нельзя: у него вовсю идет усушка!

ГУЛЛИВЕР И ЛИЛИПУТЫ

Тридцать лет назад в Москве, в издательстве ГИЗ, вышла любопытная книга — сокращенный перевод с английского стенограммы публичного допроса комиссией американского сената лиц, бывших в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции.

Книга была озаглавлена «Октябрьская революция перед судом американских сенаторов».

Пять американских сенаторов допрашивали свидетелей Октябрьской революции. Вопросы и ответы этих лиц представляют собой содержание книги.

И вот, знакомясь с этими вопросами и с ответами тех, кто враждебно принял Октябрь, невольно обращаешься к другой книге — к бессмертному творению Джона Свифта, к «Гулливверу».

Вообразим себе заседание сената лилипутов. Где-то, довольно далеко за океаном, пробудился гигант, о существовании которого лилипутский сенат не имел ни малейшего представления. То есть лилипуты-сенаторы полагали, что гигант — существо безвольное, покорное, терпеливо выполняющее все, что от него требуют Лилипутия и ее союзники, и вдруг гигант расправил могучие плечи, пробудился, проявил признаки своеволия и стряхнул с себя ползающих по нему лилипутов, а те, подобрав полы, в страхе умчались от него и, добежав до Лилипутии, запыхавшись, кинулись прямо в сенатскую лилипутскую комиссию.

Вздвигая на нос очки, сенаторы-лилипуты покопались в памяти, припомнили все, что им было известно о Гулливвере, о его образе жизни, привычках, и начали допрос очевидцев-лилипутов.

Первым, кого стали допрашивать сена-

торы-лилипуты, был пастор методистской церкви в Петрограде по имени Саймонс, проживший в стране Гулливвера 11 лет.

СЕНАТОР ЮМС. Являлась ли мартовская (февральская) революция социалистической?

САЙМОНС. Да, она была отчасти социалистической революцией. Она началась с крупных демонстраций рабочих, громко требовавших хлеба, в то время как у большинства из них было не только недостаточно хлеба, но даже более чем достаточно. Цель этих демонстраций заключалась, по мнению большинства из нас, в том, чтобы вызвать революцию.

Значит, хлеба было более чем достаточно, отметил себе лилипут-сенатор по имени Нельсон и, коли так, решил блеснуть глубоким знанием обстоятельств дела.

СЕНАТОР НЕЛЬСОН. Не было ли следствием этого акта возвращение Ленина из Сибири?

САЙМОНС. Ленин прибыл в Россию из Швейцарии. Тогда, как нам стало известно, на фронт были посланы сотни агитаторов, которые раньше жили в нижней части Ист-Сайда в Нью-Йорке (еврейский квартал).

Кое-что сенатор-лилипут слышал о так называемых нигилистах и тут опять козырнул своими познаниями.

СЕНАТОР НЕЛЬСОН. Приняли ли большевики в свою шайку прежних нигилистов?

САЙМОНС. Они принимали всех и каждого, кто боролся против капиталистов.

Но тут уже давно не терпелось сенатору-лилипуту Кингу проявить себя как тонкого знатока политической ситуации в стране гиганта Гулливвера.

СЕНАТОР КИНГ. Я видел оригинальный русский текст и перевод на английский язык некоторых советских декретов. Они фактически уничтожают брак и вводят так называемую свободную любовь. Известно ли вам что-нибудь по этому поводу?

САЙМОНС. До нашего отъезда из Петрограда они уже установили определенное положение, регулирующее так называемую социализацию женщин: каждая женщина от 18 до 45 лет должна явиться в комиссариат, откуда она независимо от ее желания или нежелания передается мужчине, с которым и должна отныне жить.

Но этого досконального ответа показалось мало сенатору-лилипуту Кингу, и он уточняет свой вопрос.

СЕНАТОР КИНГ. Итак, говоря прямо, большевистские красноармейцы и самцы-большевики похищают, насилуют и растлевают женщин, сколько им угодно?

САЙМОНС. Конечно, они это делают.

Еще пара вопросов в том же духе, и сенатор Овермэн заключает допрос свидетеля пастора Саймонса.

СЕНАТОР ОВЕРМЭН. Мы очень рады, что вы рассказали нам все, что могли. Вы внесли много ясности в это дело.

Пастор был, видимо, человек зрелого возраста. Сенаторы решили послушать некоего лилипута по имени Деннис, который был в России в ноябре 1917 года в качестве представителя Ассоциации христианской молодежи. На этот раз активно проявил себя сенатор Овермэн.

СЕНАТОР ОВЕРМЭН. Почему рабочие не восстанут и не свергнут большевистское правительство?

ДЕННИС. Единственно возможный ответ на это — пожать плечами и сказать: «Такова Россия, таков русский характер». Русские умеют работать согласованно в экономической области, но согласованно совершенно беспомощными в политической области. Им неизвестно слово «компромисс».

Это объяснение, видимо, вполне удовле-

творяло сенатора Овермэна. Но оставался еще один неясный для него вопрос.

СЕНАТОР ОВЕРМЭН. Что представляет собой обыкновенный крестьянин как семьянин? Любит ли он свою семью?

ДЕННИС. Да, сэр, насколько мне известно.

СЕНАТОР НЕЛЬСОН. Итак, система обречена на гибель по трем причинам: 1) вследствие недостатка сырья; 2) недостатка опытных руководителей и 3) отсутствия у рабочих склонности к упорному труду?

ДЕННИС. Совершенно верно.

Обреченная на гибель система, как известно, просуществовала сорок лет, существует и будет существовать, чего нельзя сказать о самом сенаторе Овермэне. По всей вероятности, несмотря на детскую наивность задаваемых им вопросов, он был человек преклонного возраста и не дожил до нашего времени.

До сих пор не проявил себя никак и сенатор-лилипут по имени Стерлинг. Именно он допросил другого представителя Ассоциации христианской молодежи, некоего Леонарда, прибывшего в США из Петрограда 3 декабря 1918 года.

СЕНАТОР СТЕРЛИНГ. Является ли советское правительство старым учреждением?

ЛЕОНАРД. Насколько мне известно, нет. **СЕНАТОР НЕЛЬСОН.** Человека, которого они привлекли в свою шайку, если я не ошибаюсь, зовут Максимом Горьким, и он уже достиг последней степени их безнравственности?

ЛЕОНАРД. Там была большая радость, когда он вернулся в их шайку.

Таким образом, сенат лилипутов получил точные сведения о том, каким учреждением — старым или новым — является советское правительство, и кое-что узнал о человеке, который всему миру был известен как писатель Максим Горький. Но лилипутскую комиссию интересовали и вопросы экономики.

СЕНАТОР СТЕРЛИНГ. Имеются ли в России какие-либо угольные шахты?

КРИШТОФОВИЧ. Сколько угодно.

СЕНАТОР СТЕРЛИНГ. Имеются ли такие шахты ближе, чем в Баку?

КРИШТОФОВИЧ. Да, в семидесяти милях от Петрограда есть угольные шахты.

Таковы точные сведения, полученные сенатом лилипутов от некоего «агронома Криштофовича», жившего много лет в Петрограде.

Торговый агент Симмонс побывал в Архангельске во время оккупации его американскими войсками. К его просвещенному мнению и обратился сенатор Нельсон:

— Думаете ли вы, что все русское население симпатизирует оккупантам и готово им помогать?

— Несомненно, — не задумавшись, ответил Симмонс.

И тут лилипут Овермэн глубокомысленно заключил:

— Наша политика состоит в том, чтобы побудить русских к борьбе.

К этому добавить нечего...

Господа лилипуты-сенаторы Стерлинг, Овермэн, Юмс, Нельсон, Кинг действительно побудили великана Гулливвера к борьбе, и в этой борьбе с пигмеями победил советский великан.

Имена же пяти пигмеев следовало бы высечь на мраморной доске в зале заседаний американского сената. Именно в эти дни, в великую дату сорокалетия Советского государства. К этим именам можно добавить имена кое-каких других сенаторов, обессмертивших себя в борьбе с «коммунистической опасностью».

Мы против этого не возражаем.

— А это птицеферма!
— Вы что, читать не умеете!!

Добро пожаловать!

На приеме у Крокодила директор 1-го Московского часового завода Сергей Алексеевич Матвеев и заведующий Казанской меховой фабрикой № 3 Борис Никанорович Бенедиктов.

КРОКОДИЛ (приветливо кланяясь). Дорогие товарищи, бесконечно рад видеть вас. Жму ваши деятельные руки обеими лапами. Захотелось мне побеседовать с вами о чем-нибудь интересном, волнующем. Ну, например, о героизме наших полярников — этих подвижников советской науки... Да вы раздевайтесь, пожалуйста, садитесь... Ах, вы на форточку оглядываетесь! Дует? Сейчас закрою. Холодно вато на улице?

БЕНЕДИКТОВ. Зима, дорогой Крокодил, Дед-мороз не на шутку разгулялся. Ты правильно насчет героизма полярников заметил. Мы с тобой в тепле, а они где-то на краю земли в такую вот стужу, в пургу, под открытым небом трудятся. Хвала и честь им!

КРОКОДИЛ. Честь и хвала! Вот как раз мне пишут работники полярной авиации с Чукотки. «Холод,— говорят,— у нас не то что собачий — волчий. Мороз и железо рвет и птицу на лету бьет: на сорок пять, а то и на все пятьдесят градусов. А мы,— говорят,— по первому зову, по первому приказу — в полет!»

БЕНЕДИКТОВ. Герои, герои!

КРОКОДИЛ. «Только вот,— пишут полярники,— беда у нас: унты меховые никуда не годятся, ноги мерзнут. Подошвы у них плохо приклеены и напрочь отваливаются после месяца носки. А голенища такие узкие, что их не только на меховые брюки, а, извините, на голую ногу не натянешь...» Что это с вами, Борис Никанорович? Отчего вы подскочили, как ужаленный? Вас же эта история не касается. А впрочем... посмотрим. «Изготавливает эти унты Казанская меховая фабрика № 3». Вверенная вам фабрика?

БЕНЕДИКТОВ. Точно. Только подошвы на соседнем кожевенно-обув-

ном комбинате «Спартак» приклеивают, за подошвы пусть директора комбината Карнаухова благодарят. А голенища мои, не откажусь!

КРОКОДИЛ. Понятно, почему вы как на иголках. Вот товарищ Матвеев держится куда спокойней. У него же нет счетов с полярниками. Правда, Сергей Алексеевич? Что вы на часы внимательно смотрите? Торопитесь куда-нибудь? Не доверяйте таким часам: это читатели прислали — бракованные...

МАТВЕЕВ (гордо). У меня на руке отличнейший хронометр, только ему я доверяю. Точное время в наш атомный век — все! Представь себе, сколько сейчас, в геофизический год, ученые ведут всяких исследований, наблюдений, опытов. От полюса до полюса. И везде часы тикают. Секунды важны, доли секунды! Спутники вон с какой точностью летают, как в аптеке!

КРОКОДИЛ. Тикают-то, тикают, да по-разному. Вот пишут мне об одной партии часов. Некоторые из них вообще не ходят, у других стрелки не переводятся, третьи — вроде твеновских. Помните: «Они то шли, то останавливались и так далее в том же духе, и стояли или... шли сколько им заблагорассудится... Сам царь Соломон не мог бы рассудить, сколько на этих часах времени?» А тонкостью внешней отделки с ними может соперничать разве только пятитонный самосвал... А пишут о таких горе-часах полярники с дрейфующей станции «Северный полюс-7»... Что с вами, Сергей Алексеевич? Отчего вы вдруг подпрыгнули чуть не до потолка? Разве вас это тоже касается?

МАТВЕЕВ. Гм! Гм!

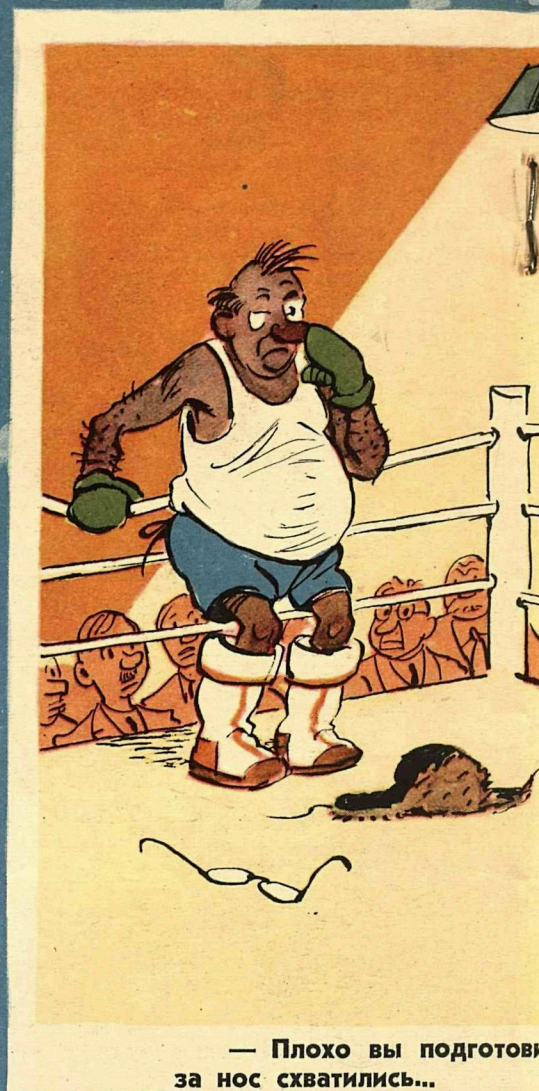
КРОКОДИЛ. Ах, и в самом деле, изготовил партию этих часов для полярников вверенный вам завод! М-да! Так как же, товарищи, быть с нашей беседой о героизме полярников? Не отложить ли нам с вами ее? Хотя бы до тех пор, пока полярники жаловаться на вас перестанут. А то неудобно как-то получается. С одной стороны, прославлять их будем, а с другой... В общем, на словах, как на гусях, а на деле, как на балалайке.

С Н Е Ж Н А Я

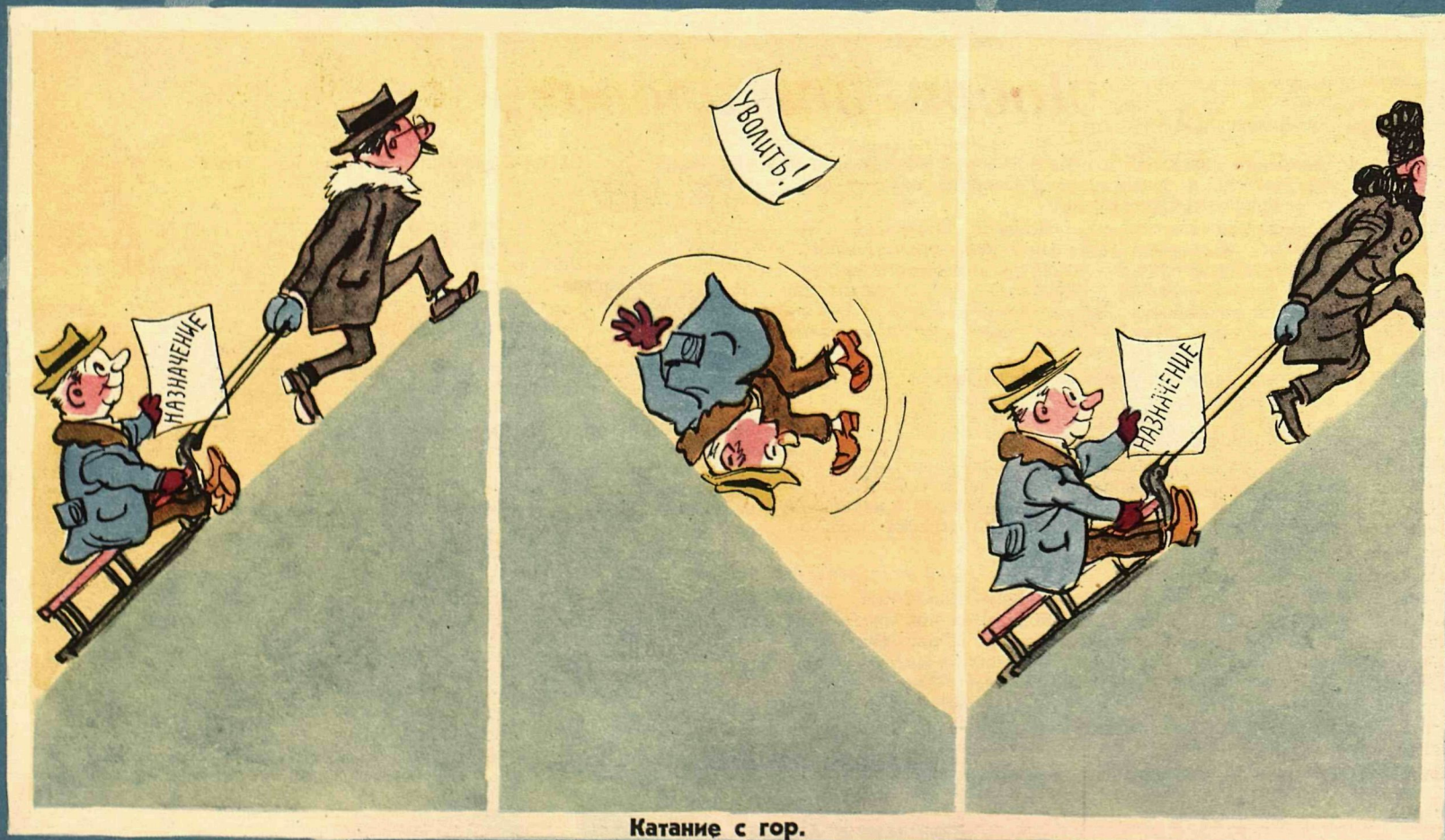

СЛАБОЕ УТЕШЕНИЕ

— Не бойтесь, не утонете, река уже замерзла...

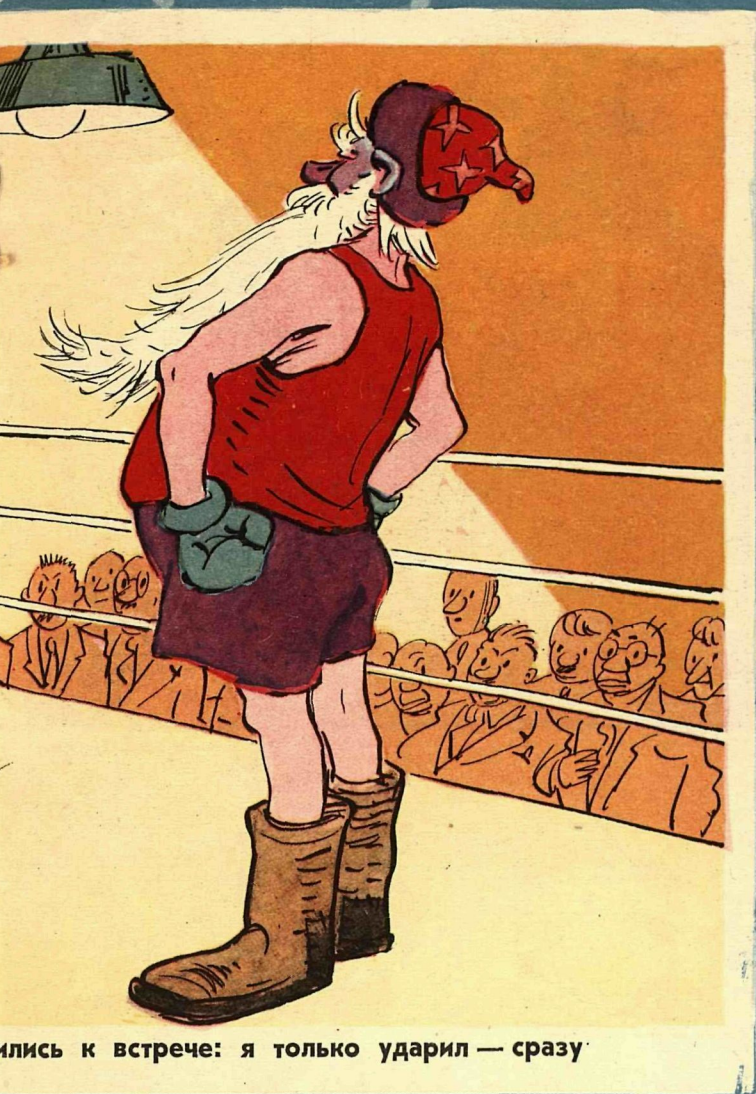

— Плохо вы подготовились за нос схватились...

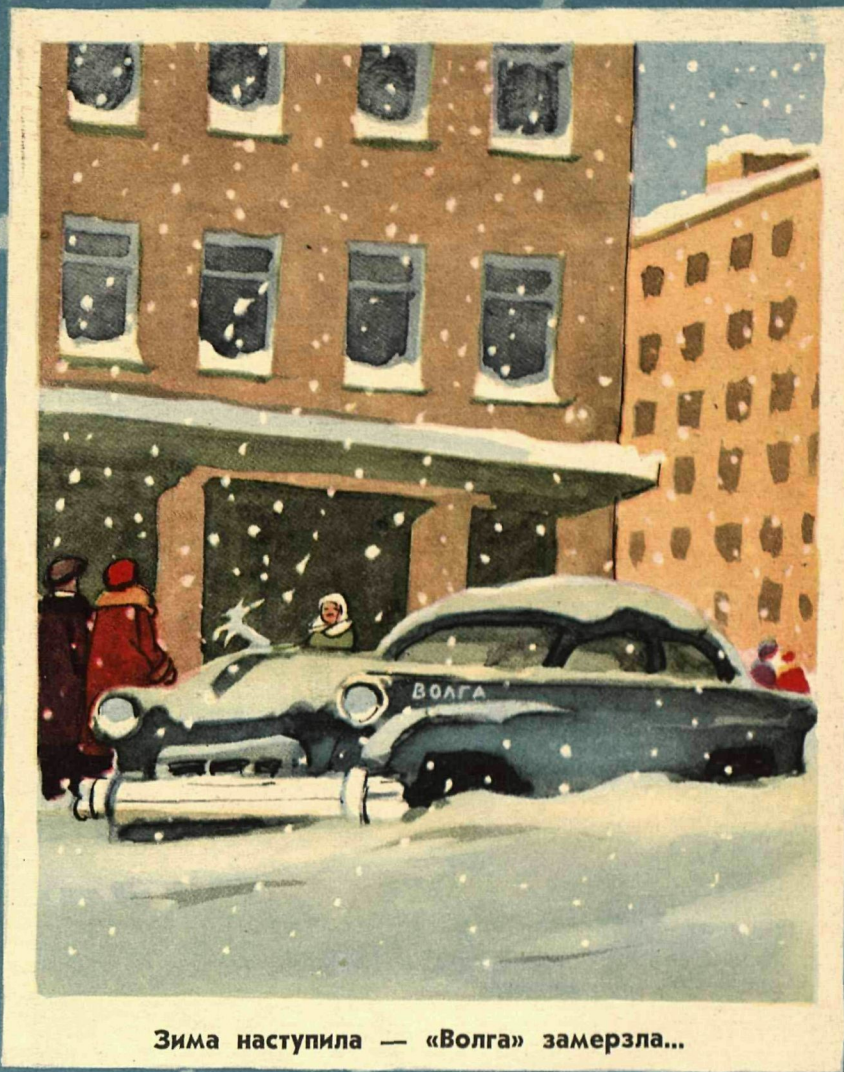

Катание с гор.

ФАНТАЗИЯ

...ились к встрече: я только ударил — сразу

Зима наступила — «Волга» замерзла...

Подснежинские огурчики.

Любишь ругаться...

...люби и саночки возить.

— А где же маскировочные средства?
— В ООН там...

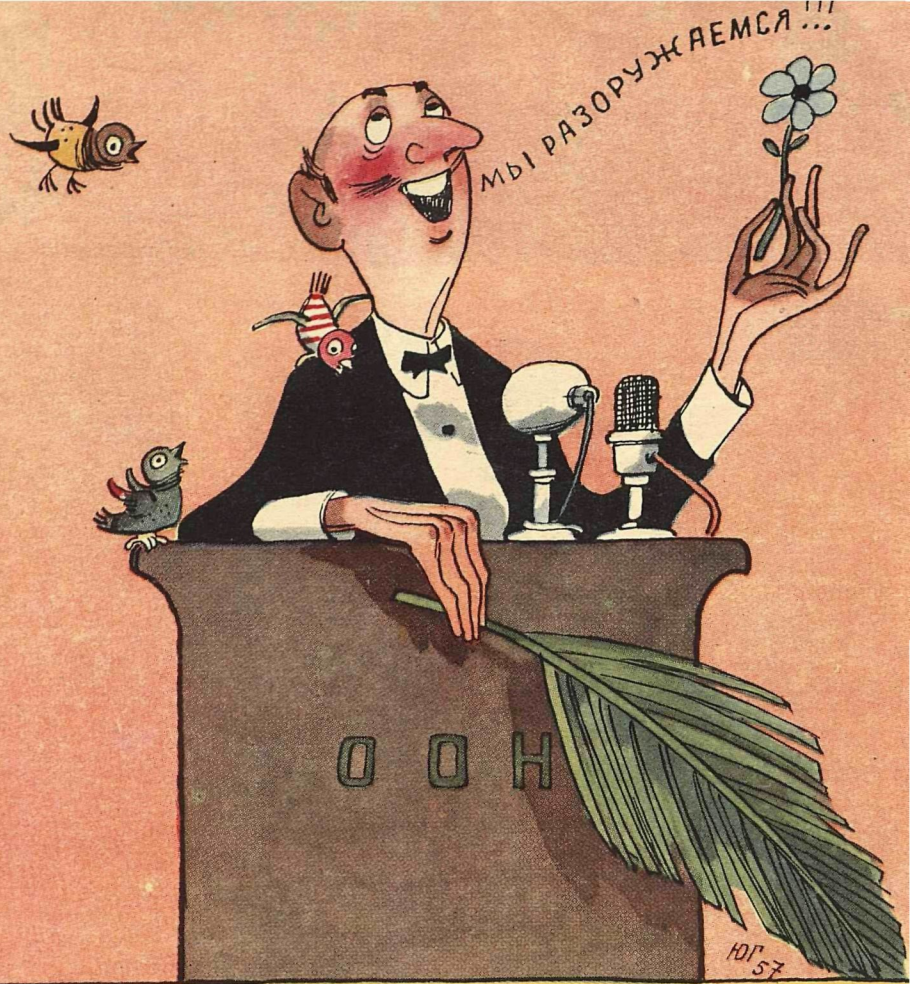

Рисунок Ю. ГАНФА.

Американские вице-хвастуны

Осенью этого года, отвечая на вопросы корреспондента «Правды», Главнокомандующий Военно-Воздушными Силами СССР Маршал авиации К. А. Вершинин отметил черты, присущие некоторым военным деятелям США,—болтливость и хвастливость.

Еще недавно начальник штаба военно-морских сил США адмирал Бэрк хвастал, что США будто могут «нанести удар Советскому Союзу и уничтожить его». А главнокомандующий вооруженными силами НАТО американский генерал Норстэд грозился «уничтожить все, что угодно» в СССР.

Единственную в своем роде коллекцию американских генералов-хвастунов можно пополнить тремя новыми экземплярами.

Это, во-первых, генерал Туайнинг, председатель объединенной группы начальников штабов, сменивший на этом посту прославленного адмирала-болтуна Рэдфорда. Генерал Туайнинг заявил на конференции губернаторов южных штатов: «Мы можем уничтожить Советскую страну».

Это, во-вторых, американский вице-адмирал Чарльз Браун, командующий 6-м американским флотом, избравшим, как известно, для своих прогулок восточные закоулки Средиземного моря. О находившихся в Средиземном море советских кораблях Чарльз Браун заявил, что он-де мог бы «презартить их в мясные консервы».

Необычайная колоритность этого языка позволяет утверждать, что командующий 6-м флотом США по завершении военно-морского образования прошел курсы дополнительной квалификации на мясных бойнях в Чикаго.

Впрочем, сказанное относится не только к Чарльзу Брауну. В равной степени это касается третьего экспоната нашей коллекции — адмирала Стампа, коему доверено командование вооруженными силами США в районе Тихого океана. Выступая не так давно на пресс-конференции, он с лихостью заправского мясника заявил, что впредь любую войну Соединенные Штаты будут вести с использованием атомного оружия и что «единственный способ сохранить мир — это не бояться риска войны».

Рассмотрение титулованных особей, входящих в нашу коллекцию, показывает присущую им всем особенность: необычайно длинный язык.

Болтливость никогда не украшала подлинного воина. Полководцу приличествуют скромность и сдержанность. Таковы были прославленные стратеги древности. Английского адмирала Нельсона и германского генерала Мольтке их современники называли «великими молчальниками». Скромность — черта Суворова. Он презирал хвастунов.

Откуда же этот стиль неудержимой болтовни и кичливой хвастливости у некоторых американских генералов и адмиралов?

Их военные подвиги никому в мире не известны. О своем «геройстве» говорят лишь они сами. Они напоминают того хваста-портняжку, который, поразив семь мух, начертал на поясе хвастливую надпись: «Единым махом семерых убиваю», — после чего проплыл непобедимым и бесстрашным воином.

По-видимому, некоторую роль играет общий стиль крикливой американской рекламы. Это самая шумная и самая лживая реклама

во всем капиталистическом мире. Вице-адмирал Чарльз Браун выводит на средиземноморском небе огромными неоновыми письменами: «Самый храбрый адмирал в мире! Уничтожает эскадры и даже целые народы. Покупайте Чарльза Брауна!»

Вице-хвастун набивает себе цену. Он торгует собой, как товаром. Он рекламирует одновременно американские консервы и самого себя.

Есть, мы думаем, и другой источник болтливости и хвастливости этих пономарей вооруженной агрессии.

Это — явное крушение американского мифа о военной неуязвимости США. Миф давний, некогда имевший историческое основание. Американцу привизвали представление о том, что США будто бы могут уничтожить кого угодно, а их никто; что всякая агрессия со стороны США безнаказанна.

Однако миф утратил свою силу. В непобедимость и неуязвимость США верит все меньше людей. Недаром сообщение об успешном запуске в СССР межконтинентальной баллистической ракеты и спутников Земли вызвало, по свидетельству американской печати, «сильнейший шок», «растерянность», «панику».

Агенты и коммивояжеры американских военных монополий спешат навести порядок в американском общественном мнении. Они хотят перекричать неумолимый голос фактов.

Высунув язык на удивление миру, Чарльз Браун, вероятно, думает, что он показал «позицию силы» и кое-кого напугал. Но он явил миру только жалкое зрелище шута, который не смешон.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Спутник так напугал некоторых деятелей США, что Пентагон отдал распоряжение о запрещении всяких разговоров о нем в войсках.

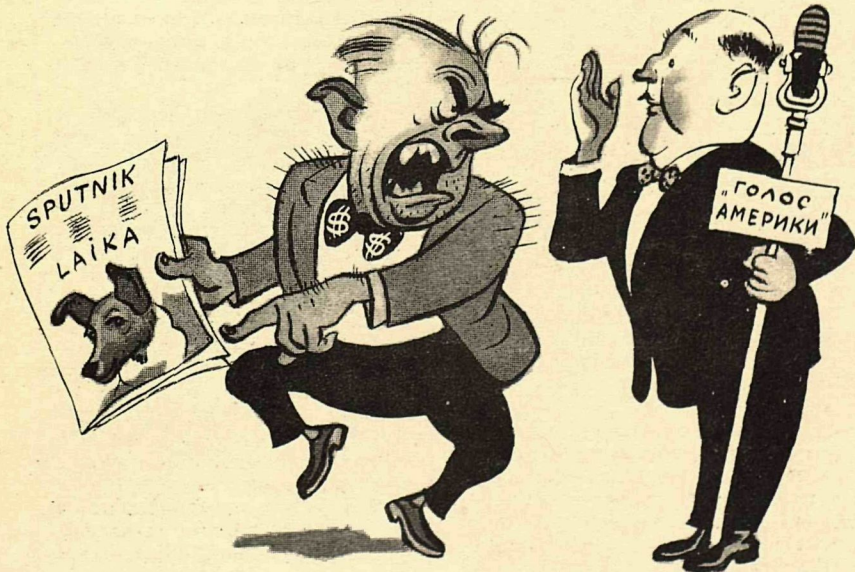

Без слов о спутнике.

— А все-таки США впереди по незапуску спутников!..

СРОЧНОЕ ЗАДАНИЕ

— Второй искусственный спутник запущен с собакой.
— Обляять!!

КОСМИЧЕСКАЯ ПЫЛЬ

Прошло время, когда космос был монополией писателей-фантастов. Первые советские спутники Земли вторглись в космическое пространство и мигом сделали слово «космос» таким же близким и знакомым, как, например, слово «телевизор».

Но космос — космосу рознь. Для нас космос — это безграничные просторы Вселенной, которые будут покорены человеческим разумом. А для иных космические дела являются продолжением дел земных — земных в самом прозаическом смысле слова.

Подкрепим нашу мысль фактами.

ВЕНЕРА И КОСМИЧЕСКИЙ БИЗНЕС

Когда мистер Гарольд Берни встретил в Вашингтоне мисс Полин Гебель и поделился с ней планами образования новой акционерной компании по «производству энергии из эфира», она в восторге отдала ему все свои капиталы. Еще бы! Какая захватывающая перспектива! Ведь мистер Берни, по его словам, уже дважды побывал на планете Венере, где и приобрел соответствующий патент.

— Какие приятные компаньоны эти венериане! — восклицал мистер Берни. — С ними можно иметь дело, не опасаясь за свои карманы. Возможно, мне удастся организовать производство прямо на Венере, а там ведь нет ни профсоюзов, ни забастовок.

Последний довод вскружил головы и другим начинающим бизнесменам. Доллары потекли рекой. Собрав изрядную сумму, мистер Берни сообщил, что он отправляется по делам на Венеру.

После долгих поисков, как пишет журнал «Тайм», полиция нашла его в штате Алабама.

— Честное слово, — оправдывался он в полиции, — я никогда не бывал на Венере!..

ЛУНА И КОСМИЧЕСКИЙ КОЛОНИАЛИЗМ

Пока мистер Берни организовывал в Вашингтоне свою акционерную компанию, американские правительственные эксперты склонялись над картой Луны. Занятие это приводило их в сладостный трепет. Подумать только: целая Луна — и ничья! Не вовлечена ни в НАТО, ни в СЕАТО, ни в Багдадский пакт! Ах, как приятно планировать колонизацию, как приятно вспоминать старые добрые времена раздела мира, как приятно снова произносить благозвучные слова: претензии, притязания, оккупация!..

Вот когда можно будет вознаградить себя за то, что в свое время Соединенным Штатам не удалось вдосталь покровосать карту мира! Теперь можно будет отыгаться на Луне! Правда, нужно заранее обезопасить себя от русских, но сделать это нетрудно.

«Если бы Советский Союз, — сообщает из Вашингтона корреспондент агентства Юнайтед Пресс Уильям Гэлбрайт, — успешно высадил людей на Луне и если бы они пробыли там значительный период времени, то Советский Союз, вероятно, мог бы претендовать на ту часть Луны, где находились бы эти люди, но не больше».

Итак, самое главное — это поскорее запланировать на Луне своего рода «железный занавес»!

МАРС И КОСМИЧЕСКАЯ СПЕКУЛЯЦИЯ

В Токио неспокойно. Люди возбуждены. На улицах и в автобусах можно услышать такие разговоры:

— Ну как, вы уже купили себе участок?

— Да, спасибо. Себе лично и на имя жены. Очень хороший район и сравнительно недорогой. А вы как? Уже заказали архитектору проект построек?..

Что это, земельный аукцион? Или вдруг американцы освободили все земли, уже столько лет занятые ими под военные базы и полигоны? Куда там! Такое предположение вызвало бы только горький смех у японцев.

Нет, все обстоит гораздо проще. Речь идет всего-навсего о «продаже земельных участков на Марсе». Эту торговлю, по сообщению агентства Рейтер, развернуло токийское отделение японского общества астронавтов. По заявлению директора этого общества, уже проданы «участки площадью больше, чем Франция».

Будущих переселенцев беспокоит лишь одно: а вдруг и на Марсе американцы начнут реквизировать лучшие земли под военные базы и полигоны? Куда тогда податься?

* * *

Короче говоря, сама собою напрашивается новая поговорка: «Скажи мне, что ты делаешь на Земле, и я скажу тебе, что ты будешь делать в космосе».

З. ЮРЬЕВ

Форма подвела...

На этом снимке вы видите рядом с колонной демонстрантов одетого в «атлантическую» форму генерала (крайний справа). Посмотрите, какой у него обожженный вид. Выражение лица настолько постное, что можно без особого труда заключить: собравшиеся приветствовали его не особенно тепло. Об этом же свидетельствует и взгляд человека, по всей видимости, рабочего (в левом углу снимка), и плакат с выразительной надписью: «Go home, Speidel!» — «Шпейдель, убирайся домой!».

Однако этот генерал — вовсе не Шпейдель. Произошло, так сказать, досадное недоразумение, о котором с прискорбием поведала свету английская газета «Таймс». Из этой же газеты взят и снимок.

Многочисленная демонстрация жителей норвежской столицы Осло собралась на аэродроме Форнебу с благой целью — приветствовать вступление бывшего нацистского, а ныне «атлантического» генерала Ганса Шпейделя на норвежскую землю. А так как норвежцы хорошо помнят дни кровавой фашистской оккупации, они прихватили с собой на аэродром специально для высокого гостя немало тухлых яиц, булыжников и других не менее красноречивых сувениров.

Но Шпейдель сманеврировал. Не желая, видимо, из врожденной скромности беспокоить своей особой радушных жителей Осло, он приземлился несколькими часами раньше на военном аэродроме. Приземлился втихомолку, не предупредив собравшихся об изменении своего маршрута.

Вот за эту-то «скромность» и пришлось расплачиваться английскому генералу Сесилю Саджену, приземлившись в столь неудачное для себя время на аэродроме Форнебу. «Атлантическая» форма, которую носят как Шпейдель, так и Саджен, вела в заблуждение демонстрантов, которым не приходилось встречать Шпейделя лицом к лицу: этот гитлеровец палачествовал главным образом во Франции. Короче говоря, генерал Саджен получил удар каким-то метко пущенным тяжелым предметом. А поскольку предмет этот предназначался не для него, вполне понятно, почему у него такой обожженный вид...

Словом, форма подвела.

П. ЕВГЕНЬЕВ

Г. ФОКЕЕВ

ЗАГАР НЕ В ПОЛЬЗУ

(Среди расистов)

- Что с тобой, Джон!
- Меня приняли за негра...

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

Что такое «Гуд» и что такое «Бэд»

В Англии одним джентльменом стало больше. Вери гуд, как говорят в таких случаях. Англичан джентльменами не удивить. И, тем не менее, нашлись англичане, которые, млея от восторга, отправились на поклонение новорожденному.

Ехать пришлось далеко. Новопеченный джентльмен объявился на австралийском атомном полигоне.

Против слезы умиления, корреспондент английского агентства Рейтер срочно передал в метрополию сообщение, которое звучало примерно так:

«Нашел зпт поклонился тчк джентльмен с головы до ног тчк

поправка: от ударника до стабилизатора».

Качества джентльмена не оставляли сомнений относительно его благородного происхождения. Эти качества таковы: корректность, предусмотрительность, предупредительность, тактичность и еще что-то среднее между простой вежливостью и салонной утонченностью.

Короче, посланец агентства Рейтер восторгался новой английской водородной бомбой. «Джентльмен», — говорилось в сообщении агентства, — предназначен для нанесения самых больших разрушений вражеским объектам с минимальным количе-

ством радиоактивных осадков, чтобы не затронуть гражданских лиц. Отсюда его название «Джентльмен».

Бомбу испытали. Взрыв был «относительно чистым». Так же относительно чист бывает боров, принявший ванну в сточной канаве.

Напрасно радители «чистой» водородной бомбы пускают радиоактивную пыль в глаза всему миру, выдавая ее за простую. Ясно одно: в Англии одним убийцей стало больше. И зовут его «Джентльмен». Вери бэд, как говорят в таких случаях. Очень плохо.

Научные сквозняки

Было это еще в июле. Наш дядя Ваня, бригадир колхозной строительной бригады, заглянул однажды к нам на старую ферму и сказал:

— Ну, доярки, скоро на новоселье! Скотный двор отгрохали вам по последнему слову науки и техники!

Раз зашел, другой, третий... И такое он нетерпение разжег у нас, что смотреть не хочется на старый скотный двор. И в правлении уже срок назначили: переведем скот на новую ферму 1 сентября. Ждали мы этого дня, как праздника. Чем ближе сентябрь, тем больше нетерпение. Мы уже все распланировали: где какие группы коров поставим, где халаты белые хранить будем и все остальное.

Только стали мы замечать что-то странное за нашим дядей Ваней. Явился он как-то на дневную дойку и давай загадочные вопросы задавать нашей старейшей доярке.

— Ты, — говорит, — Аксинья, за двадцать лет, что доишь коров, не замечала, с какой скоростью тебя обдувают?

— Кто же это меня обдувает? — удивилась доярка. — Коровы, что ли?

А дядя Ваня уже телятницу допрашивает.

— Ты, — говорит, — тетя Маша, не можешь точно сказать: тебя вместе с телятами подвергают обдуванию по ноль целых одной десятой метра в секунду или побыстрей? Как думаешь?

Тетя Маша у нас остра на язык, посоветовала плотнику к ветеринару обратиться: не жар ли, мол, у тебя?

— Да нет, не жар, — уныло отвечает дядя Ваня, — инструкцию нам районный отдел строительства прислал под названием «Санитарные правила при работе на фермах крупного рогатого скота». А там такое понаписано, хоть ставь недостроенный скотный двор на консервацию.

— Да чего она требует-то, эта инструкция?

— Многого. Чтобы глинобитные полы не строили, например. А у нас, по примеру передовых ферм, именно такие полы и сделаны. И на каждую корову определили минимальную кубатуру не менее двадцати четырех кубометров. Вот как! А мы-то, глупые, думали, что корове и четырнадцать кубометров с лихвой хватит. И вот теперь насчет этой проклятой обдувки. Сколько лет строил скотные дворы, не боялся. А теперь боюсь: вдруг будет дуть на одну сотую метра быстрей!

— Да наплюй, — советуем мы, — подумаешь: одна сотая!

— Невозможно. Строгая инструкция, на весь Советский Союз. В ней прямо указано: «Отступления от отдельных требований настоящих правил допускаются по согласованию с органами государственного санитарного надзора».

Подал нам дядя Ваня небольшую брошюру, и начали мы ее читать. Читаем и диву даемся: такое авторы ее напридумывали!

Вот, например, пункт 19-й, сразивший нашего дядю Ваню:

«Скорость движения воздуха в кормовых и навозном проходах помещений для взрослых животных не должна превышать 0,2—0,25 м/сек., а в помещениях телятников — 0,1 м/сек., чтобы работники, находящиеся в кормовых проходах при раздаче кормов и чистке кормушек, а также доярки на рабочих местах при доении подвергались обдуванию со скоростью, не превышающей указанной выше».

Тут, если голову немного поломать, можно догадаться, что речь идет о самых обыкновенных сквозняках. В этом вопросе, не беспокойтесь, отступлений от правил не допустим. Каждый ученик сельской школы знает: для того в скотных дворах и тамбуры строят, чтобы сквозняков не было. Другое нас заботит: какую машину Министерство здравоохранения порекомендует поставить на ферме, чтобы измерять скорость обдувания доярок?

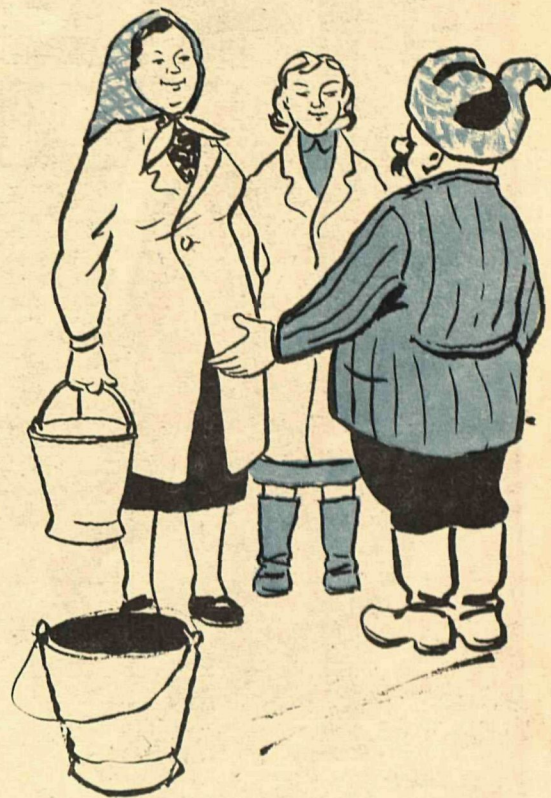
Мы за механизацию: у нас и доильная машина, и автопоилки, и водопровод... Но вот ума не приложим, как так сделать, чтобы в летний период температура воздуха в помещениях, как того требуют правила, не превышала наружную более чем на 3°? Холодильники, что ли, ставить? Летом предписывается воздух охлаждать, а «в зимний период воздух должен подогреваться». Ну, мыслимое ли дело на всех фермах отопление вводить, в какую же копейчку тогда молоко влетит!

Для одной только борьбы с пылевыделениями такая отсасывающая техника рекомендуется, что никаких денег в колхозе не хватит!

А мы-то, наивные люди, хотели простые самокормушки поставить для скота; как в колхозе «XX партсъезд», Московской области, сделали: и пыли нет, и борьбы с пылевыделениями никакой, и молоко с мясом во много раз дешевле получаются!

Тут мы догадались, что составители правил бывали на фермах не чаще, чем, скажем, на луне, а поэтому и слушать их нечего. Но заглянули на первую страницу и прочли:

«Настоящие правила распространяются на

все вновь организуемые фермы крупного рогатого скота в совхозах и колхозах». А в верхнем правом углу напечатано: «Утверждаю. Главный государственный санитарный инспектор СССР В. Жданов».

Теперь вы, наверно, поняли, почему законсервировалась наша новая ферма? Согласовывают отступления от правил товарища Жданова, чтобы и ферму построить и продукцию животноводства получить подешевле.

Признаться, в связи с новым порядком планирования в сельском хозяйстве мы давно уж отвыкли от наставлений вроде этих правил. Читаем их, и вспоминаются далекие годы.

На этом мы и кончили бы, да телятница тетя Маша требует приписать:

— Делать им там, в инспекции, видно, нечего!

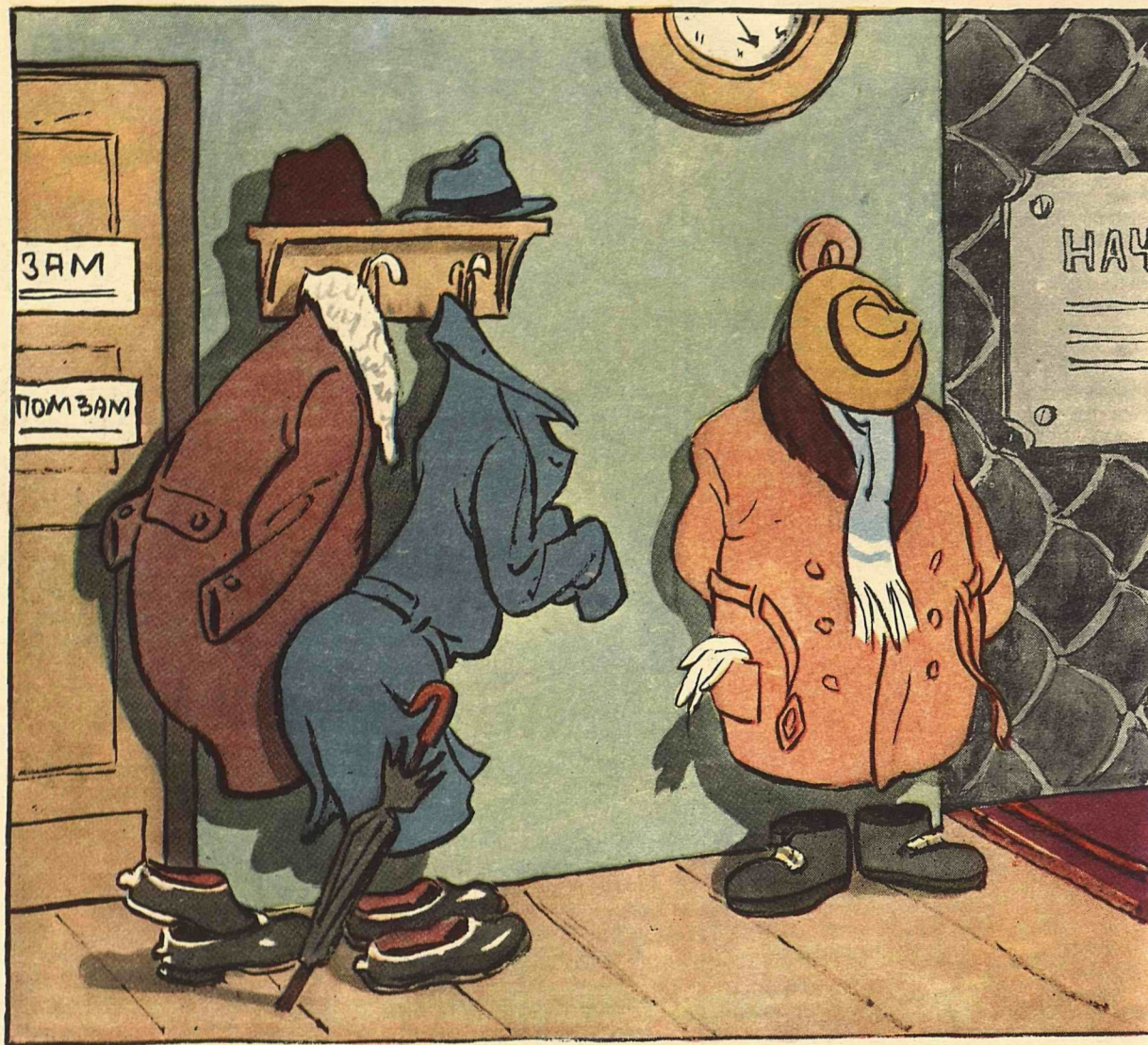
Е. АНДРЕЕВ

Рисунки Ю. ФЕДОРОВА.

ЛУННАЯ РАПСОДИЯ

СПУТНИК-РАКЕТОНОСИТЕЛЬ

Крокодил помог

В заметке «Фото на память» («Крокодил» № 24) говорилось о том, что на станции Шубар-Кудук Оренбургской железной дороги скопились десятки вагонов строительных материалов, сельскохозяйственных машин и других грузов.

Актюбинский обком КП Казахстана отметил, что все грузы вывезены, руководителям хозяйственных организаций дано указание впредь не допускать скопления материалов на станциях железных дорог.

◆ ◆ ◆

«Новгородский затейник» — под таким заголовком в «Крокодиле» № 25 опубликована заметка о проведенном в Новгородском облпрокте конкурсе на лучшее размещение столов и шкафов сотрудников.

Нам сообщили: начальник облпроекта тов. Тишин от занимаемой должности освобожден.

◆ ◆ ◆

Ростовская-на-Дону обувная фабрика под различными предлогами затягивает обмен изготавливаемой ею некачественной обуви. Один из подбанных фактов приведен в заметке «Докажите, что вы не спортсмен» («Крокодил» № 27).

По заметке приняты меры: на виновников волокиты с обменом обуви наложены взыскания; улучшен метод приклеивания подошвы, что повысило качество обуви.

◆ ◆ ◆

В заметке «Товарищ Крокодил!» рассказывалось о запрещении провоза ручного багажа в купе дизельных поездов (см. «Крокодил» № 28).

Главное пассажирское управление Министерства путей сообщения СССР дало указание начальнику Октябрьской железной дороги отменить ограничение провоза ручной клади, за исключением громоздких вещей, которые не могут поместиться в багажную нишу купе вагона.

ВИЛЫ В БОК

Памяти Зеленого Друга

«Как хороши, как свежи были розы», — говорил прославленный классик.

«Как зелен, как тенист был старый сад в центре нашего города», — говорят жители Белгорода.

«В лесу раздавался топор дровосека», — эпически повествовал другой классик.

«Черт бы побрал наших городских дровосеков! — восклицают белгородцы. — И куда только смотрел горисполком!»

Так, дивясь и негодуя, они с глубоким душевным прискорбием обозревают голую площадь в центре города, где совсем еще недавно зеленели роскошные деревья и кусты, ныне вырубленные под корень.

— Неслыханное головотяпство! — возмущаются горожане.

— Много вы понимаете! — презрительно отвечают местные градостроители. — Это образцовый городской пейзаж, с перспективой!

Что и говорить, «перспектива» налицо! На пустыре уныло торчит несколько чахлая пальм, словно взятых напрокат из вокзального ресторана. И холодный осенний ветер кружит по земле обрывки номеров газеты «Белгородская правда» со статьями в защиту Зеленого Друга.

Н. ГУБЕНКОВ

Недолго думая...

У заведующей канцелярией Калининградского областного суда тов. Бахур железное правило: всегда действовать быстро и решительно. Нечего раздумывать. Раз, два — и готово. Вот какой случай был в ее практике.

Попал к ней исполнительный лист на Алексея Андреевича Балабанова, уклоняющегося от уплаты алиментов. Быстро запрашивает она адресный стол и устанавливает, что алиментщик укрылся в Зеленоградском санатории № 3, где и лежит больной вот уже полтора года.

— Подумайте, каков молодец! — возмутилась тов. Бахур. — Ему всего восемнадцать лет, а ребенку его уже три года. Значит, женился Балабанов всего четырнадцати лет от роду.

И тут же энергичная женщина дала делу ход. С Балабанова стали удерживать пятьдесят процентов пенсии. Правда, он отбивался, говоря, что никакого ребенка у него нет и что тут, вероятно, замешан какой-нибудь другой Балабанов, более взрослый. Но не так-то просто нашу героиню сбить с толку. Нашла она одного Балабанова, обеспечила младенца папой — и хватит. Мало ли Балабановых? С каждым разбираться да каждого слушать — некогда будет делом заниматься.

Ничего не скажешь, мастерица варить кашу тов. Бахур! Да жаль, что расхлебывать ее приходится не самому кашевару, а совсем другим лицам.

Я. СЕМЕНОВ

В ОХОТНОМ РЯДУ

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

— Где подстрелил!
— Под «Москвой».

— Достать запчасти хоть из-под земли!
— Спасибо за совет...

ДОРОГОЙ Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Жаль, что тебе до сих пор не привелось побывать у нас в Мончегорске. Хороший, молодой город, который только недавно отпраздновал свое 20-летие. По его улицам ходят комфортабельные автобусы «ЗИЛ».

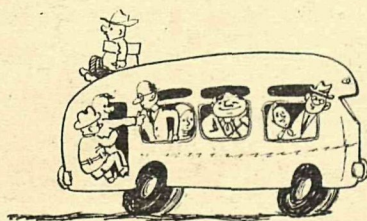
Вот только одна беда: для того, чтобы кое-как втиснуться в такой автобус, нужно добрых полтора часа простоять на остановке в длиннейшей очереди.

— Граждане, поймите сознательность! — кричит с отчаянием кондуктор. — Вагон не резиновый!

Против такой беспощадной истины возражать не приходится. И остается лишь горько жалеть о том, что нерезиновые машины никак не могут обходиться без резиновой «обуви». В этом и вся завоздка! Почти половина автобусов, имеющих в городе, недвижимо стоит на колодках — «боксом».

И кто только не занимался

уже этой «проблемой»! Звонила во все колокола мончегорская автотранспортная контора. Били тревогу горком партии и горисполком. Писали в мурманские областные организации, в совнархоз... Никакого впечатления!

Вот и думаешь-гадаешь: что мне, депутату горсовета, отвечать моим избирателям, когда они жалуются на свои автотранспортные мучения? Попробуй, скажи им: дорогие, мол, товарищи, столкнись с проблемой резины...

— Э, брат, ты эти резиновые формулировки брось! — отве-

тят избиратели. — Ты нам нормальное автобусное сообщение подавай!

И они будут совершенно правы.

В: ЗАРУБИН,

депутат Мончегорского горсовета.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Не взыщи, что чернила на моем письме слегка расплылись: я писал его под осенним мелким дождем, в вагонном депо станции Узловая-1 Московско-Курско-Донбасской железной дороги. Дело в том, что здание нашего депо лишено одной существенной детали, которая называется крышей. Ее быстро и оперативно содрала еще в июне местная строительная организация — Учдорстрой-б. Признаться, мы тогда не особенно тревожились. Ведь капитальный ремонт может складываться у нас, так сказать, из двух частей: сперва — процесс разрушения, потом — процесс созидания.

Но увы! Оказалось, что у начальника Учдорстроя тов. Селезнева на сей счет особое мнение. Он решительно ограничил капитальный ремонт депо... процессом капитального разрушения крыши.

С тех пор вагонники имеют возможность непосредственно в цехах проверять прозорливость бюро погоды, когда оно предсказывает «атмосферные осадки в виде дождя либо мокрого снега» или «ветер умеренный, временами порывистый, до сильного». Осенью сквозной ветерок заносил в депо сухие, желтые листья, а к стати и голубые больничные листки.

Что же будет зимой? С этим вполне актуальным вопросом мы уже обращались по десяти адресам, включая адрес начальника дороги тов. Гнапа. Но пока все остается открытым: и вопрос и крыша!

А. ЛЕБЕДЕВ,

председатель месткома вагонного депо.

ст. Узловая.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ. Редакционная коллегия: И. В. КОСТЮКОВ [зам. главного редактора], А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ [М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ], С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, И. М. СЕМЕНОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д-3-31-37. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 10340. Изд. № 1460 Подписано к печати 19/ХІ 1957 г. Формат бум. 70×108%. Заказ № 2947. Тираж 1 000 000 экз. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ДОРОЖНЫЙ КОСТЮМ ШПЕЙДЕЛЯ
(для инспекторских поездок по странам НАТО)

Всесоюзная
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
Обязат. экзempl.
1957 г.

